

ВМЕСТЕ ИНЭИНИЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколенье – Хэсэд Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Сиван/Тамуз 5782 июнь 2022



№6(246)

Пост 17 Тамуза

Пост 17 Тамуза – один из четырёх постов, установленных в память о разрушении Иерусалимского Храма, наряду с постом Гедальи (3 Тишрея), постом 10 Тевета и 9 Ава. Траурный пост 17 Тамуза связан с тем, что 10 Тевета вавилонский царь Навуходоносор II начал осаду Иерусалима, а 17 Тамуза его солдаты проломили городскую стену. Это стало началом конца еврейской державы. Тремя неделями позже, 9 Ава, наступила трагическая развязка событий: был сожжён Храм. Талмуд называет пять бедствий, случившихся в этот день...

В 2448 году от сотворения мира, в год Исхода из Египта, всего через 40 дней после получения Торы на горе Синай, евреи сделали Золотого Тельца, совершив тяжкий грех идолопоклонства. А 17-го Тамуза Моше, спустившийся с Синай со скрижалями завета, увидев литое изваяние тельца и евреев, пляшущих вокруг него, не смог удержать скрижали в руках – они упали и разбились... И хотя Моше всё же сумел вымолить у Б-га прощение заблудшему народу, но этот день так и остался несчастливым днём, ибо грех не был искуплен полностью.

Почти через девять столетий сыны Израиля, живущие в Земле Обетованной, снова отступили от заповедей, забыли Тору. Они поклонялись идолам, проливали человеческую кровь – и то, и другое является прямым нарушением заповедей. Были и другие, менее явные прегрешения. И в 3336 году Иерусалим был осаждён вавилонской армией. А 17-го Тамуза прекратились ежедневные жертвоприношения в Храме, из-за того, что невозможно было обеспечить доставку жертвенных животных, и это было признаком надвигающейся катастрофы. В 3338 году был разрушен Первый Храм, потеряны земля и свобода...

Народ усвоил полученный урок, раскаялся и вновь, получив свободу и землю, восстановил Храм. И опять повторилась история – люди вновь стали забывать Б-жественные законы и установления. Но теперь их грехи были менее явными, например, беспричинная ненависть. И в 3828 году, почти через пятьсот лет после разрушения Первого Храма, Иерусалим был осаждён. На этот раз римлянами. 17-го Тамуза римляне пробили стены Иерусалима и захватили город. И вновь за поражением последовали разрушение Храма и изгнание...

Чтобы увидеть, какой из этих грехов хуже, нужно просто обратить внимание на сроки изгнаний, которые последовали за разрушениями Храмов. Первое, вавилонское, изгнание длилось всего 70 лет, а второе изгнание длится уже почти двадцать столетий, и до сих пор не кончилось.

Причина, наверно, в том, что тот, кто совершает открытый, вопиющий грех, скорее может раскаяться. Скрытые же, внутренние пороки выявить гораздо труднее, потому от них тяжелее избавиться, а значит и наказание должно длиться дольше, чтобы постепенно привести к исправлению.

Поэтому 17-е Тамуза – второй из постов, установленных в память о разрушении Храма. В этот день была пробита брешь в стене Иерусалима во времена Второго Храма. При вавилонской осаде (во времена разрушения Первого Храма) стена Иерусалима была пробита 9 Тамуза, но чтобы не перегружать светский календарь траурными датами, было решено объединить траур по этим двум событиям. Кроме того, последствия гибели Первого Храма оказались для еврейского народа менее тяжёлыми.

В этот же день в 165 году до н. э. Апостомос, наместник царя Антиоха, сжёг Тору, поняв, что самый верный путь поработить евреев – нанести удар их духовному достоянию. Сожжение Торы было началом гонений на еврейство и одной из главных причин восстания Маккавеев.

И, в-пятых, в этот день в Храме была водружена статуя идола. Согласно одной версии, это случилось в эпоху Второго Храма и тоже было одним из деяний Апостомоса. Согласно другой (версии Иерусалимского Талмуда) – это совершил царь Иудеи Менаше, который правил в эпоху Первого Храма и „прославился“ тем, что „затопил Иерусалим невинной кровью“ и был идолопоклонником, превзошедшим всех своих предшественников.

Дни, заключённые между 17 Тамуза и 9 Ава тоже считаются траурными. Эти три недели называются „Между теснин“ или „Узкими неделями“. В эти дни запрещено слушать музыку, устраивать торжества, в том числе свадьбы, стричь волосы, покупать или надевать в первый раз новую одежду, не начинают кушать фрукты нового урожая.

Если 17 Тамуза выпадает на Шаббат, то пост переносится на следующий день – 18 Тамуза. Дата события уникальна для каждого года. В 2022 году это – 17 июля (18 Тамуза), так как 17 Тамуза в этом году выпадает на субботу. Этот пост начинается с восходом солнца и заканчивается с появлением звёзд на небе, и проводится так же, как и все общественные посты. В ночь, предшествующую общественному посту (кроме Девятого Ава), можно есть всё время, пока не заснуло глубоким сном, пусть даже не в постели, а сидя за столом. Во время поста 9-го Ава беременные женщины и кормящие матери в случае плохого самочувствия, а также больные, жизни которых болезнь не угрожает, обязаны поститься в этот день. В прочие посты они освобождены от этой обязанности. Те, кому раввин разрешил не поститься, а также дети, которые уже понимают смысл поста, должны кушать в эти дни только самую простую пищу и лишь в том количестве, которое необходимо для поддержания их здоровья. Кроме того, в дни постов детей следует приучать воздерживаться от шумных и весёлых игр и соблюдать траур вместе со взрослыми.

Традиция сообщает, что 17 Тамуза, в дни Потопа, Ной послал на землю голубя из ковчега посмотреть, ушли ли воды. „И голубь не нашёл пристанища для своей ноги“. Так же и народ Израиля, который уподобляется в Торе голубю, не может найти себе пристанища в этот суровый день.

Пророки постановили, что в те дни, когда наших предков постигали бедствия, следует поститься. Цель этой заповеди – пробудить сердца к раскаянию, напомнить о проступках наших предков, вызвавших эти бедствия, заставить нас задуматься о наших собственных проступках, вырвать нас из привычной колыбели жизни и побудить нас вернуться ко Вс-выш-нему, чтобы с новыми силами и с обновленным чувством исполнять Его заповеди.

Главное – это тшува (раскаяние, возвращение ко Вс-вышнему с целью исполнять Его заповеди), а пост – лишь подготовка к тшуве. Отсюда следует, что человек, который в дни постов ничего не ест и не пьёт, но проводит весь день в развлечениях – как бы и не постится, а всего лишь худеет.

По материалам еврейских сайтов.

Законы Храма

1. Заповедь Торы предписывает сделать дом для Г-спода, который предназначен для приношения жертв и для празднования праздников три раза в год.

2. Когда евреи вошли в Землю Израиля, то установили Мишкан в Гальгале на 14 лет. Оттуда пришли в Шило и там построили каменный дом без потолка, но накрыли его покрытием от Мишкана. 369 лет стоял Храм в Шило. Когда умер Эли – был разрушен, и пришли в Нув и построили там Храм, а когда умер Шмуэль – был разрушен, и пришли в Гивон и построили там Храм. И из Гивона пришли в Иерусалим. Время, когда Храм был в Нув и Гивоне – 57 лет.

3. Когда был построен Храм в Иерусалиме, то были запрещены все другие места для строительства там дома для Г-спода и для приношения жертв. Только в Иерусалиме, на горе Мориа. Храм называется „Дом на все поколения“.

4. Здание, которое построил царь Шломо описано в книге Царей. Будущий (Третий) Храм, несмотря на то, что упомянут в книге пророка Йехезкеля, не описан подробно. Когда строили Второй Храм во времена Эзры – строили в соответствии с описанием Первого Храма, а также на основании описанного в книге Йехезкеля.

5. Вот основные помещения в Храме – Кодеш (Святилище) и Кодеш-Акодашим (Святая Святых) и перед Кодешом – место, которое называется „Улам“ („Зал“). Эти три помещения называются „Эйхаль“. Делают заготовленное место около него. Это место сделано, как „Хацер“ („Двор“), который был в пустыне, и называется „Азара“. Эйхаль и Азара называется Мигдаш (Храм).

6. И делают в Храме семь вещей: 1) жертвенник для жертвы всесожжения и для других жертв; 2) рампу, по которой поднимаются к жертвеннику, она находится перед Уламом с южной стороны; 3) медный умывальник и 4) медное подножие к нему – место для освящения рук и ног священников перед службой, находится между Уламом и жертвенником по левую сторону от входящих в Храм. 5) Жертвенник для воскурений, 6) менора и 7) стол. Последние три вещи находятся в Кодеше. Менора в южной части – слева от входящего, стол – справа, и на нём „хлеба предложения“, а жертвенник для воскурений – между ними, немного сдвинут к выходу.

7. Внутри Азары делают границы: до этого места можно доходить израэлю (не козну и не левиту), до этого места – козман. И строят в Азаре помещения для различных нужд Храма. Каждое такое помещение называется „Лишка“.

8. Эйхаль и Азару строят из больших камней, а если нет камней – из кирпичей. Не ломают (и не обтесывают) камни на Храмовой горе, а делают это в другом месте, и уже готовыми приносят к месту строительства.

9. Не строят его из дерева, а только из камней и кирпичей с известью. И не делают пристроек из дерева, а только из камней или кирпичей. А пол мостят дорогими камнями. И если выпал какой-нибудь камень, даже если он остался на месте (только шатается), становится негодным (в тот момент), и запрещено священнику стоять на нём во время службы, пока камень не укрепят.

10. Хорошей заповедью является укреплять и возвышать Храм (делать его крепким и высоким). Украшают его по мере своих возможностей.

11. Не строят Храма ночью. Занимаются строительством от рассвета и до выхода звёзд. Каждый обязан строить и поддерживать строительство сам лично деньгами – мужчины и женщины. Тех, кто постоянно изучает Тору, не привлекают к строительству. Строительство Храма не сдвигает праздники (в праздники и в субботу Храм не строят).

12. Жертвенник строят только из камней.

13. Всякий камень, на котором появилась царапина, которая чувствуется ногтем (как в случае с ножом для убоя животных) – становится непригодным ни для рампы (ведущей к жертвеннику), ни для жертвенника. Откуда приносили камни для жертвенника? Из нетронутой земли – копили до тех пор, пока не было ясно, что на этом месте не было построек, и оттуда доставали камни, или же из моря.

14. Камни для строительства Эйхаля и Азары должны быть целыми, идеально ровными. Камни Эйхаля или Азары, которые поцарапались и испортились (их невозможно исправить), заменяли и сохраняли в специальном месте.

15. Любой камень, до которого дотрагивался металл, даже если камень не поцарапался – непригоден для строительства жертвенника и его рампы.

16. Камень, на котором появилась трещина или царапина или до которого дотрагивался металл уже после того, как он встроен в жертвенник – непригоден, а остальные камни – пригодны. Жертвенник белят два раза в год: перед Песахом и перед Суккотом. Для побелки используют материю, и не используют ничего металлического, чтобы не дотронулось до камней и не испортило бы их.

17. К жертвеннику не делают ступеней, а строят рампу с южной стороны от жертвенника, которая опускается от верхушки жертвенника до самой земли, и она называется „Кевеш“. И тот, кто поднимается по ступеням к жертвеннику – делает неправильно.

18. Каждый, кто делает непригодным хотя бы один камень жертвенника или Эйхаля или камни между Уламом и жертвенником – делает неправильно.

19. Менора и её принадлежности, и стол с его принадлежностями, и жертвенник для воскурений, и все вспомогательные сосуды делают только из металла. Если община бедна – делают даже из жести, а если разбогатели – делают из золота. И даже сошки, шампуры и вилы для жертвенника всесожжения и мерки – делают из золота, если у общины хватает средств. Даже ворота Азары покрывают золотом, если хватает средств.

20. Все принадлежности с самого начала изготавливают специально для Храма, а если их делали для обычного пользования, то нельзя использовать для Храма. Предмет, который был сделан для Храма, но ещё не был там использован, можно использовать просто так, однако если этот предмет уже использовали в Храме – нельзя использовать просто так. Камни и плиты, которые первоначально предназначались для обычного строения, не используют при строительстве на Храмовой горе.

рабби Моше бен Маймон (Рамбам), „Илхот Бейт-Абхира“.

„Хрустальная ночь“ в Риге

Не переносу громких фраз, но так и хочется написать: „Пепел Клааса стучит в моё сердце“. И слёз нет, только кулаки сжимаются... Почему он должен был умереть своей смертью, пусть в тюрьме, но прожив уже долгую жизнь, на которую не имел права?!

4 июля произошла „Хрустальная ночь“ в Риге. 4 июля 1941 года, через несколько дней после вступления немецких войск в столицу Латвии, в городе были сожжены восемь синагог вместе с находившимися в них людьми.

В подвалах Большой хоральной синагоги, нашли убежище 500 евреев-беженцев из Шауляя, которые смогли добраться только до Риги, так как немецкое наступление отрезало путь на восток. В основном это были измученные дорогой женщины, старики и дети.

4-го июля, под вечер, члены „команды безопасности“, организованной с приходом нацистов в Ригу, подъехали на автомобиле к синагоге. Они облили стены керосином, облили паклей, и подожгли. В матерей, пытавшихся выбросить детей из окон горящего здания, стреляли из автоматов, а в окна стали бросать ручные гранаты. Так погибли 500 литовских евреев.

В тот же день в Риге были разгромлены все остальные синагоги. Немцы в этих акциях участия не принимали.

„Команда безопасности“ была организована всего за несколько дней до этого. Записывались в неё добровольно, в основном, это были старшеклассники и студенты Латвийского университета. А руководил этой бригадой добровольных убийц Виктор Арайс, 31-летний молодой юрист.

Набиралась она очень просто и работала активно... В тот же день, 4 июля читатели газеты „Тевия“ – главной латвийской газеты оккупационного периода – могли ознакомиться с содержанием следующего содержания: „Все национально думающие латыши – „перконкрустовцы“, студенты, „айзсарги“, офицеры и другие, кто желает принять активное участие в очистке нашей земли от вредных элементов, могут обращаться к руководству команды безопасности по адресу Валдемара, дом 19 с 9-00 до 11-00 и с 17-00 до 19-00“. Как известно желающих оказалось очень даже немало, среди них были пятнадцатилетние ребята, ставшие карателями...

Что было дальше мы хорошо знаем. 4 июля стало только началом... С организацией рижского гетто и „команды Арайса“ прибавилось работы. Расстрелы евреев стали регулярными. Они происходили в Бикерниекском лесу, на окраине города. По данным Чрезвычайной комиссии по расследованию нацистских преступлений в Бикерниекском лесу было убито 46 500 человек. Всего в лесу обнаружено по разным данным порядка 57 массовых захоронений.

Опущу подробности методов уничтожения. Дрожь по коже проходит. И спазмы души. Скажу только, что развлекаясь и припевая, бравая команда 8 декабря 1941 г кидала в кузова грузовиков больных еврейских детей из детской больницы с улицы Лудзас, чтобы отвести на расстрел.

Во время некоторых расстрелов убивали до 2 тысяч человек. Член „команды Арайса“ Лиготнис после войны на допросе рассказал, что только с января по март 1943 года в Бикерниекском

лесу латышскими полицейскими было расстреляно более 10 тысяч человек.

Кстати, ребята эти „успешно гастролировали“, выезжая на карательные акции вне Латвии. Сам Арайс активно участвовал в расстрелах и требовал того же от своих подчинённых. Предполагается, что сто тысяч человек нашли смерть от рук его команды.

Сам бывший советский юрист получил звание штурмбан-фюрера SS, и был награждён Крестом боевых заслуг с мечами.

А потом, а что потом... Потом отступление немцев, умный свежеспеченный майор SS успел сбегать в Германию, где и надолго скрылся. Лишь спустя 30 лет, в 1975 году германские власти, наконец, „нашли“ Арайса, который работал наборщиком в типографии Франкфурта и носил фамилию жены. На суде Арайс выказал сожаление, что... „всех расстрелять не удалось, а потому остались живые свидетели“.

Так как в Германии была отменена смертная казнь, то он получил максимум – пожизненное заключение.

В день своего рождения, 13 января 1988 года, в возрасте 78 лет бывший палач Виктор Арайс мирно скончался в тюрьме Кассу.

Сегодня в Латвии проживают около 10 тысяч евреев (8 тысяч из них живут в Риге) – это меньше 0,5 % населения Латвии. До Второй мировой войны в Латвии жило около 100 тысяч евреев – больше 11% населения.

4 июля... Светлая Память женщинам и мужчинам, детям и старикам, принявшим мученическую смерть, только потому, что были евреями...

Источник isralove.org

О еврейских корнях Паралимпийских игр

Знаете ли вы, что Паралимпийские игры имеют невероятно вдохновляющие еврейские корни? Это действительно так. Ведь их основателем был нейрохирург сэр Людвиг Гуттман.

Его родина – немецкий город Тост (сейчас это польский Тошек). Людвиг появился на свет в еврейской семье 3 июля 1899 г. В 18-летнем возрасте стал работать волонтером в больнице, где лечили шахтеров. Там он в первый раз увидел человека, получившего травму позвоночника, из-за которой у него были частично парализованы конечности. В те времена это состояние, именуемое параплегией, было равносильно смертному приговору. Увы, но молодого шахтера, с которым познакомился Людвиг, спасти не удалось.

Юный Гуттман решил посвятить свою жизнь медицине. Поначали он изучал её в университетах Бреслау (ныне Вроцлав), а затем Фрайбурга, став после его окончания доктором медицины. В студенческие годы молодой человек вступил в еврейское братство, решительно поддерживая его цель остановки пропаганды антисемитизма в вузах. С течением времени эта организация стала активно поддерживать занятия его членов физкультурой и фитнесом, чтобы никто не испытывал чувство стыда по поводу своей национальности.

В 1930-е годы Гуттман стал трудиться нейрохирургом в бреславской клинике Венцеля Ханке, параллельно проводя занятия со студентами университета и работая ассистентом Отфрида Фёрстера, знаменитого немецкого невролога, зачинателя нейрохирургии. В скорости и сам молодой врач, приобретая опыт, стал известным неврологом. Однако в Германии уже вовсю хозяйничали нацисты.

В 1933 г. в стране приняли Нюрнбергские законы, в частности, запрещавшие евреям заниматься медициной. Гуттмана уволили из университета, лишили работы и звания доктора. Его отправили в еврейскую лечебницу Бреслау. В ноябре 1938 нацисты устроили Хрустальную ночь. Гуттман с горечью вспоминал то страшное время, когда он увидел окружённую сотнями людей синагогу и эсэсовцев, игравших в футбол молотвенниками. Именно тогда Гуттман принял решение помогать преследуемым людям.

Когда вечером 9 ноября в больницу, где работал доктор, пришли 64 человека, которые спасались от погрома и преследования нацистов, он оставил их в клинике. Утром эсэсовцы вызвали Гуттмана и приказали объяснить, как так получилось, что сразу так много людей попало на больничные койки. Врач для каждого сочинил диагноз, подробно объясняя причину госпитализации. Так ему удалось спасти 60 человек.

Сам Гуттман, как и его семья, в Германии не чувствовали себя в безопасности. Им нужно было покинуть страну, однако в то время это было сделать сложно. Доктору повезло. Сами нацисты, восстановив его документы, отдали приказ отправиться в Португалию

для лечения местного диктатора. Доктор и его семья поехали туда, а возвратились в Великобританию. Благодаря Совету, оказывавшему помощь учёным-беженцам, Гуттманы в марте 1939 получили убежище в Оксфорде. Спустя шесть лет доктору предоставили право стать натурализованным гражданином Великобритании.

Исследования Гуттмана, касающиеся травм позвоночника, продолжались в английской клинике Рэдклиффа. В дальнейшем при клинике Сток-Мандевилл он создал и возглавил Центр травм позвоночника, ставший первым специализированным отделением, где проходили лечение люди с подобными травмами. Сам же Гуттман именно здесь впервые стал лечить и проводить реабилитацию пациентов с параплегией.

В те времена парализованные люди часто умирали из-за инфекций, которые вызывались пролежнями. Доктор стал применять простейший, но эффективный метод регулярного переворачивания больных для предотвращения появления пролежней. Такое лечение дало хорошие результаты. Парализованные пациенты продолжали жить.

Доктор Гуттман понимал, что для повышения самооценки и ощущения полноценности для общества людям с частичным параличом необходимы реабилитационные программы. И тогда ему пришло в голову включить в них спортивные занятия. Гуттман считал эту мысль очень своевременной и нужной.

Решение провести первые Сток-Мандевилльские игры 29 июля 1948 не было случайным. Ведь в этот день в Лондоне открылась летняя Олимпиада. Так что для начала игр людей с ограниченными возможностями это было весьма символично. Тогда состязались в стрельбе из лука колясочники, получившие инвалидность на войне. Игры стали ежегодными. А спустя четыре года к участию в них присоединилась команда военнослужащих из Голландии с частичным параличом конечностей. Так мероприятие приобрело международный характер.

В 1960 г. в Риме вместе с традиционной Олимпиадой открылись первые Международные Сток-Мандевилльские игры, которые впоследствии стали именоваться Паралимпийскими. Этот термин МОК ввел в 1984 для указания, что данные соревнования проводятся параллельно с Олимпиадой. Тогда в Рим прибыло 400 спортсменов с широким спектром инвалидности из 23 государств. Впоследствии Паралимпийские игры начали проводить в летнее время каждые четыре года. А в 1976 их впервые провели и зимой.

Впрочем, в истории Паралимпиад не всё было гладко. К примеру, Мехико в 1968 г. не стал принимать Паралимпийские игры. Однако решительность доктора Гуттмана не знала границ. Он нашёл выход из положения, договорившись с израильскими властями



По крайней мере, так было заявлено советским чиновником журналисту, который спросил о причине отказа. Но и тогда Паралимпиада состоялась в нидерландском городе Арнеме.

Кроме того, что доктор Гуттман трудился в Сток-Мандевилле, он организовывал Паралимпийские игры, стал основателем Международного медицинского общества параплегии, которое сейчас переименовано в Международное общество спинного мозга, и руководил им до 1970 года. Его активная деятельность этим не ограничилась. Гуттман создал спортивную ассоциацию инвалидов Британии, которая существует и сейчас как федерация спорта инвалидов Англии, помогая Ассоциации еврейских беженцев. Сделанное этим талантливым человеком в неврологической сфере для людей, ставших инвалидами, трудно переоценить. Гуттман по заслугам получил высокое звание командора ордена Британской империи, а в 1968 состоялось его посвящение в рыцари лично королевой Елизаветой II.

Земная жизнь Людвигу Гуттмана завершилась 18 марта 1980 года. Однако то, что он совершил для медицины и в целом для человечества, останется в веках. Наследие доктора пережило нацизм, пытавшийся уничтожить евреев, людей с ограниченными возможностями, и продолжает жить в еврейских принципах спасения души (пикуах нефеш), возрождения мира (тиккун олам).

Его имя увековечено в премиях Австралийской федерации спорта инвалидов-колясочников, медицинского общества параплегии, присуждаемых за немецкоязычные труды в данной области, в названии госпиталя в Барселоне, стадиона в Сток-Мандевилле, ставшего в 1980 Спортивным центром для инвалидов.

Марина СЛИВИНА.

Как бедный еврей из Одессы основал Timberland

История всемирно известных торговых марок иногда начинается в скромных мастерских никому не известных ремесленников. Так случилось и с компанией „Timberland“, основателем которой стал одессит Натан Шварц. Никто не мог и предположить, что простой еврейский сапожник создаст настоящую империю и покориет весь мир.

Натан Шварц родился в июле 1902 г. в Одессе в семье потомственных сапожников. И отец, и дед, и прадед Натана ремонтировали обувь и шили стельки. Такая работа не приносила большого дохода, семья жила небогато. Жизнь евреев в Российской империи в те времена была тяжелой, поэтому перед началом Первой мировой войны в 1913 г. его родители эмигрировали в США, поселившись в Бостоне. Там они открыли обувную мастерскую, и в 16 лет Натан стал в ней работать подмастерьем, продолжив дело отца, деда и прадеда. Он трудился в скромной мастерской до 50 лет, пока ему удалось накопить достаточно денег для покупки долины акций небольшой обувной фабрики в городе Абингтон штата Массачусетс. С этого в 1952 г. началась история

марки „Timberland“.

Спустя три года Натан Шварц выкупил фабрику и вместе с сыновьями начал производить обувь, постоянно работая над улучшением её качества. Прошло ещё десять лет, прежде чем им удалось разработать технологию бесшовного соединения литой резиновой подошвы с кожаным верхом обуви при помощи специального пресса – в результате ботинки становились непромокаемыми. А в 1973 г. они выпустили первые кожаные жёлтые ботинки, которые вскоре стали визитной карточкой их компании. Логотипом бренда выбрали изображение американского дуба, что символизировало прочность и надёжность обуви.

Нужно сказать, что изначально Натан Шварц не претендовал ни на всемирную известность, ни на финансовый успех. А жёлтый цвет ботинок, появившийся из-за специфической обработки кожи, даже у его сыновей вызывал недоумение. Внук основателя компании и нынешний её владелец Джеффри Шварц вспоминает: „Мне было тогда лет десять, мой отец всё время пропадал на фабрике, и в доме постоянно шли разговоры о

том, как же сделать ботинки Timberland непромокаемыми, как выделывать кожу... О том, что хлопковые нитки не подходят и нужны нейлоновые, что швы должны быть эластичными, но прочными, поэтому их надо сделать тройными. О том, что клёпки, куда вставляются шуржи, должны быть металлическими, но не железными, чтобы они не заржавели от воды... И вот, наконец, настал тот исторический момент, когда отец принёс домой эти первые ботинки Timberland. И тут мой брат воскликнул: „Я ни за что такие не надену. Они же жёлтые!“. Решая насущные производственные проблемы, никто даже не подумал о цвете...“.

Именно эти жёлтые ботинки вскоре стали легендарными и даже попали в Лондонский музей дизайна в качестве экспоната. Стратегии продвижения бренда разрабатывали уже не члены семьи Шварц, а более предприимчивые коллеги. Однажды на фабрике появился итальянец, купивший сразу 900 пар ботинок. Через год он вернулся за новой партией. Как оказалось, в Италии он проводил демонстрацию тестирования обуви на прочность: ботинки испытывали

в экстремальных условиях, а затем мыли и сушили на бельевой верёвке. Слоганом этой рекламной кампании стала фраза: „Если вы любите Timberland, относитесь к ним как можно хуже“. Благодаря этому оригинальному маркетинговому ходу ботинки стали невероятно популярны сначала в Италии, а потом и в других странах мира.

С 1988 г. компания начала выпускать не только обувь, но и одежду для путешествий, туризма, занятий спортом и для прогулок. Джеффри Шварц говорит: „Для меня бизнес – это глубоко личное. Потому что Timberland – это наш семейный бизнес. Мой отец на фабрике мог работать на любом оборудовании. Даже когда у него было свободное время, он теревил в руках кусочек кожи, думая, как сделать её качество лучше. Поэтому можно смело сказать, что в наше дело вложена душа. Чем бы ни занимались люди в жизни, если ты делаешь это с душой, со страстью, лучше дружишь – ты победитель“.

Сегодня этот бренд известен во всём мире. Продукция компании производится на 260 фабриках в 35 странах и продается в фирменных магазинах в более чем 60 странах мира.

По материалам Интернета.

Еврейские земледельческие колонии в Российской империи

Еврейские земледельческие колонии в Российской империи – это земледельческие поселения евреев в Российской империи, организованные на принципах, сходных с поселениями иностранцев в России (организация поселений в малозаселённых районах России, чаще всего по приглашению и с поддержкой правительства – ред.). Еврейские земледельческие колонии в России первоначально были созданы в Херсонской губернии в 1806 г., когда евреи стали массово выезжать из Царства Польского России. Указ от 9 (21) декабря 1804 г. впервые позволил евреям в России покупать землю для создания земледельческих поселений (колоний). Прежде большинство переселенцев-иностранцев в Российской империи составляли немцы и балканские славяне. Как и прочие сельскохозяйственные поселения (колонисты), перешедшие в крестьянское сословие евреи получали временные налоговые льготы, освобождение от рекрутской повинности, а также субсидии для приобретения или покупки земельных угодий. Целью этой политики было приобщение евреев, большая часть из которых оказалась в пределах Российской империи после очередного раздела Польши, к земледельческому труду для освоения незаселённых степных и вновьобретённых земель. Прежде евреям не позволялось ни проживать в сельской местности, ни покидать черту оседлости. Результатом этих ограничений, а также ограничений в выборе занятия, явилась чрезвычайная скученность и нищета в местечках в пределах черты.

В середине XIX века царское правительство разрешило создание еврейских земледельческих колоний в южных районах страны. В присоединённых в результате недавних русско-турецких войн Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Черноморской и Ставропольской губерниях и Кубанской области.

Указ императора Николая I „Положение о евреях“ от 13 (25) апреля 1835 г. позволял евреям получать казённые земли в бессрочное пользование, приобретать и арендовать земельные участки в шести губерниях, а также предусматривал временные рекрутские и налоговые послабления для колонистов. В том же году состоялась неудачная попытка создания еврейских колоний в Сибири. Подавляющее большинство еврейских сельскохозяйственных колоний последующих лет было организовано в Бессарабской области, Екатеринославской и Херсонской губерниях.

Колонизация Екатеринославской губернии (сейчас Днепропетровская область – ред.) началась в 1846 году. В 1858 г. 18 еврейских земледельческих колоний были образованы в Подольской губернии (большая часть территорий губернии на сегодня входит в состав Винницкой и Хмельницкой, частично Одесской областей – ред.), куда переселилось более 1 100 семей. За короткий промежуток времени в России появилась новая прослойка евреев-земледельцев, которые к середине XIX века составляли уже 3 % от всего еврейского населения страны, а в Бессарабской области – около 16 %. К 1900 году в общей сложности насчитывалось около 100 000 колонистов-евреев.

Политика поощрения еврейского земледелия в России была свёрнута императором Александром II новым указом от 30 мая (11 июня) 1866, вновь наложившим запрет на приобретение евреями земельных участков. Ещё более усугубило положение земледельческих колоний „Временные правила“ 1882 года, согласно которым по истечении первоначального арендного срока земельные участки колоний

не могли быть ни куплены, ни арендованы самими колонистами.

Несмотря на запрет и активные меры по ограничению еврейского земледелия, около 20–25 % жителей еврейских колоний продолжали заниматься сельскохозяйственной деятельностью. Во многих колониях выращивались новые культуры, пользующиеся спросом и приносящие прибыль: сахарная свёкла, подсолнухи, табак. Многие колонисты вынужденно переключились на сопряжённые занятия, такие, как птицеводство. На месте некоторых колоний возникли целые местечки, где регулярно проводились ярмарки, а большинство евреев вернулись к занятию торговлей и ремёслами.

В результате отмены черты оседлости, Гражданской войны, коренизации [политическая и культурная кампания советской власти в национальном вопросе в 1920-е и в начале 1930-х годов, а также в течение короткого периода марта-июня 1953 г. (национальные реформы Берии), призванная сгладить противоречия между центральной властью и коренным населением национальных республик СССР. Коренизация выражалась в подготовке и продвижении на руководящие должности представителей местных национальностей, создании национально-территориальных автономий, внедрении языков национальных меньшинств в делопроизводство, в образование, поощрении издания СМИ на местных языках. В конце 1930-х годов (частично ещё в 1932-1933 годах) коренизация была свёрнута, многие её активные участники репрессированы. На смену коренизации пришло повсеместное внедрение русского языка как языка межнационального общения. Тем не менее коренизация привела к созданию значительного слоя образованных кадров из представителей национальных меньшинств СССР, а также к созданию сети образовательных учреждений с нерусскими языками обучения – ред.], погромов, голода и эпидемий часть колоний прекратила своё существование в начале 1920-х годов. Значительная часть евреев покинула местечки и бывшие колонии в поисках работы в крупных городах, а также иммигрировав в США, Палестину и страны Латинской Америки. В некоторых бывших колониях евреи стали меньшинством. В ряде бывших колоний были организованы коллективные хозяйства (колхозы и совхозы). В то же время, созданный в 1924 г. в СССР Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КомЗЕТ) продолжил политику привлечения еврейского населения Советской России к производственному труду. Год спустя была создана Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) – формально, общественная организация для содействия КомЗЕТу и взаимодействия с международными еврейскими организациями, в первую очередь Джойнтом.

Первоначально, еврейские сельсоветы создавались большей частью в Крыму, а также в районе „старых“ еврейских земледельческих колоний, основанных ещё в начале XIX века. К концу 1920-х было создано 160 таких сельсоветов в Украине, 29 – в Крыму и 27 – в Белоруссии. С 1925 по 1937 год туда переселились 126 000 евреев, из которых, правда, только 53 000 остались на новом месте.

В 1930-е годы коллективизация и индустриализация привели к новому оттоку молодежи в города и сокращению численности евреев-крестьян. В мае 1938 г. все созданные ранее еврейские национальные районы и сельсоветы были расформированы. Большинство неуспешных эвакуироваться жителей бывших еврейских колоний и сельсоветов были убиты в ходе Холокоста.

Отец еврейского ренессанса

Он воспитал целую плеяду гениальных еврейских художников: Марка Шагала, Эля Лисицкого, Иосифа Цадкина и многих других. Но в отличие от своих учеников, сам Юдель Пэн прожил скромную жизнь. В возрасте 82 лет он был зарублен топором ревнивым комиссаром, обозлённым, что его жену нарисовали в стиле ню.

Юдель Моисеевич Пэн родился 24 мая (5 июня) 1854 года в городе Новоалександровск (ныне Зарасай, Литва), был младшим ребёнком в многодетной семье Мовши Гершоновича Пэна (1819–?) и Цивки Пэн (1820–?). Отец выступал кандидатом в городскую управу, ему принадлежал собственный деревянный дом. Мальчику было четыре года, когда умер отец. Юдель отучился в хедере, после чего определили в религиозную школу при синагоге. В этот момент мальчик лишился и матери. Осиротевший, он отправился в Двинск (ныне Даугавпилс, Латвия – ред.), где и устроился подмастерьем маляра, проработав у него более 10-ти лет.

Ещё в школе он мог нарисовать всё что видит в считанные секунды. Вот только вместо восторженных отзывов он получал от учителя хедера шквал прозрых нравоучений о запрете изображения людей. Бывало, к «нерадивому» ученику не оставалась равнодушной и палка в учительских руках, так что без опаски начать рисовать он смог лишь в 13-летнем возрасте, когда устроился подмастерьем к маляру. Высокохудожественной ценности выкрашенные им стены, конечно, не представляли, но мальчик, как мог, экспериментировал с цветом и утверждался в мысли стать художником. Особенно любил он рисовать рекламные вывески – здесь ограничений для полёта фантазии не было практически никаких. Заказчики были в восторге, маляр получал солидную прибыль и доверял своему подмастерью всё более сложные работы.

Отношения между мастером и его помощником были доверительные – нередко мальчишка признавался, что мечтает стать художником и копит деньги на обучение. Маляр, видевший его зарисовки, не сомневался, что ещё услышит о своём подмастерье, но отпускать талант, который приносил ему доход и новых заказчиков, не спешил. В один из дней он пришёл принимать работу своего ученика и, любящую расписанной им лестницей, ухватился за перила. Каково же было его удивление, когда рука просто скользнула по воздуху, не найдя опоры: поручни к лестнице были нарисованы, но с такой детализацией, что отличить их от реальных было невозможно. В этот момент маляр осознал, что дальше удерживать такой талант в своей мастерской он не может – мальчик получил премию в размере полугодовой зарплаты, и этого ему хватило сполна, чтобы уехать в Петербург.

Так в 1880 году Юдель Пэн поступил в Академию художеств, где учился у Павла Чистякова и Николая Лаврецкого. А со временем уже своим учителем его будут называть такие признанные мастера, как Марк Шагал, Эль Лисицкий, Иосиф Цадкин и многие другие выпускники созданной им школы живописи. Сам же Юдель Пэн стал одной из ключевых фигур «еврейского ренессанса» в искусстве начала XX века.

Закончив Академию художеств, начал переезжать с места на место в поисках работы. Возвратился в родной город и не найдя себе применения, отправился в Двинск, оттуда по той же причине вскоре двинулся в Ригу. Несколько лет работы в Риге, где познакомился с бароном Николаем Корфом (организатором земских школ в России – ред.), принесли ему более или менее стабильный заработок и множество связей. Воодушевлённый, он даже пробовал устроиться в Петербурге, и получил право постоянного проживания в российской столице. Но через непродолжительное время переехал в Витебск – здесь знакомые обещали помочь ему в открытии частной рисовальной школы, о которой уже давно мечтал Пэн.

Через год после переезда, в 1892 году, Пэн и впрямь открыл в Витебске школу рисования и живописи. Её стали тут же считать еврейской в силу естественных причин: большую часть жителей города составляли евреи. Табличку с надписью «Школа живописи Пэна» увидел и юный Марк Шагал. Вскоре он уже был одним из его учеников. О том, как строился процесс обучения, можно прочитать в воспоминаниях другого ученика Пэна, витебского художника Петра Явича: «Когда мы учились у него, шестеро мальчиков, он обращался с нами, как с самыми любимыми родными сыновьями. Пэн был для нас всем – и искусством, и школой, и даже домом. Поражала его бесконечная открытость, простота и вместе с тем высокая культура. Я ни разу не слышал, чтобы он ругался. Все наставления делал мягко, без окриков, не повышая голоса. Не спрашивая, голдные мы или нет, Юрий Моисеевич грел для нас чай, варил картофель в мундире, ставил на стол кусковой сахар, масло, творог. И ещё селёдку...»

Со многими своими учениками Пэн оставался в дружеских, близких отношениях всю жизнь, и они никогда не забывали, кто дал им путёвку в жизнь. Так, к 25-летию юбилею работы Пэна в Витебске в московской газете «Дер Эмес» появилась статья Марка Шагала на идише, позже переведённая и на русский. Шагал писал: «25 лет усердного труда на фабрике или заводе обычно награждаются орденом труда. Об этом подвиге докладывают, пишут и доводят до сведения. Разве не заслуживает хотя бы внимания, что в городе Витебске из года в год беспрерывно вот уж 25 лет скромно и честно трудится художник. С одной стороны, он воспитывает в своей первоначальной мастерской-школе десятки юных будущих художников Витебска, с другой стороны, он сам, как может, создаёт работы, из коих некоторые должны войти в исторический отдел Еврейского музея в центре и в музей Витебска, в частности. Юрий Моисеевич Пэн – художник-реалист старой школы, выходец из старой русской академии – всё же остался самим собой, сохранив большую дозу своей искренности и самобытности. Его мастерская, облепленная с пола до потолка его работами, и он сам за мольбертом с уже ослабленным зрением – образ столь же трогательный, сколь заслуживающий большого уважения. Нельзя не ценить эти упомянутые заслуги, и думаю, что о таком труженике, о таком в своём роде «пролетарии» должна знать и пролетарская масса. Витебск же в особенности должен помнить его».

Школа Пэна существовала до 1918 года – после все частные инициативы были закрыты. Однако вскоре Марк Шагал организовал Народное художественное училище, и руководить оной из мастерских пригласил своего первого учителя. Когда же училище было реорганизовано в институт, Пэн не только преподавал в нём, но и исполнял обязанности проректора по учебной части. Всё это время проводились постоянные выставки Пэна и его учеников, его работы отбирались на выставки Академии художеств и выставки Петроградского общества художников.

В 1923 году художественный институт, в котором преподавал Пэн, был вновь реорганизован, но на этот раз с понижением – в техникум. И в скором времени, конфликтует с новым руководством и не принимая их методов образования, Юдель Пэн написал заявление об уходе. Вместе с ним ушли тогда и многие другие педагоги. Пэн же устроился на полставки в механический техникум и писал тогда одному из учеников: «Чувствую себя очень скверно как морально, так и материально. Уже несколько месяцев, как нет заказов. В механическом техникуме получаю 7 руб. 23 коп. в месяц. Вот и всё. Одним словом, нехорошо нашему брату».

Пэн лишился студии, но продолжал работать дома, что ничуть ему не мешало. Он вообще был скромный и неприязнителен в быту. В доме не было почти ничего, кроме картин – ими были увешаны



почему он не продаёт картины, когда сам находится в довольно бедственном положении, он отвечал: «Деточки, я не торгую своим вдохновением».

До конца дней у Пэна не было своей семьи. Конечно, он влюблялся, случались романы, да ещё какие. Была среди возлюблённых, например, дочка местного губернатора. Он рисовал её в стиле ню – и за эти картины Пэну предлагали баснословные суммы, но он хранил их у себя. В ответ же на вопросы, почему он не обзаведётся семьёй, Пэн неизменно отвечал: «Я мог бы стать и мужем, и отцом, и дедом, но каким бы я тогда был художником?» Последние годы жизни он провёл в полном одиночестве, за ним ухаживала сестра – и с вопросами о продаже картин время от времени заходили двоюродные родственники, получая очередной отказ.

Эти самые родственники и стали главными подозреваемыми в уголовном деле по убийству Юделя Пэна. Тело 82-летнего художника, зарубленного топором, было обнаружено 1 марта 1937 года в его квартире. Родственники Пэна утверждали, что накануне встретили художника вместе с незнакомцем, которого Пэн представил как бывшего ученика. Но местное следствие «установило», что двоюродная сестра Пэна так мечтала о его коллекции, что предложила ему жениться на своей дочери. Пэн отказался, и тогда она стала постоянно подсылать к нему своих детей, стремясь узнать, где художник хранит свои деньги. В итоге была арестована и осуждена вся семья сестры Пэна, девять человек. Мотивом их преступления признали факт, что художник намеревался после смерти отдать все свои картины городу, а не оставить их «семье».

Правда, следователем из Минска, приехавшим в Витебск для контроля нашумевшего дела, была озвучена совершенно другая версия. В коллекции Пэна были полотна, где в стиле ню были запечатлены жены многих городских чиновников. Например, местного следователя, который и вёл дело об убийстве Пэна. Минский специалист предположил, что Пэн был убит витебским следователем из ревности – после этого ему приказали завершить расследование. Он сел в поезд – и больше его никто не видел. Впрочем, в том же 37-м был расстрелян и начальник витебского следствия – за пытки в отношении подсудимых и жестокое убийство своей жены. Четверо из осуждённых родственников Пэна спинули в лагерь, а все его картины перешли к городу.

После смерти Пэна в Витебске была создана его картинная галерея, в которой выставили почти 800 работ художника. С началом войны коллекция была эвакуирована в Саратов. Но после окончания войны в Витебск вернулась лишь небольшая часть работ, остальные до сих пор числятся пропавшими. Сохранившиеся же работы хранятся в Витебском художественном музее и Национальном художественном музее Республики Беларусь. Почти на каждой из картин изображена повседневная жизнь местечковых евреев прошлого века, их мир, наполненный сокровенными мечтами, печалью и радостями – мир, умело и тонко запечатлённый еврейским художником Юделем Пэном.

Автор публикации Игорь ПОРТНОВ.



Восьмое сентября 1945 года. Финал конкурса «Мисс Америка 1945». Зрители, собравшиеся в роскошном Boardwalk Hall, расположенном в Атлантик-Сити штата Нью-Джерси замерли в ожидании: кто же станет победительницей 19-го по счёту и весьма престижного в Штатах конкурса. После оглашения имен вице-победительниц ведущий сделал многозначительную паузу и огласил имя главной красавицы страны. Неожиданно для всех оно оказалась 21-летняя девушка с ярко выраженными еврейскими чертами Бесс Мейерсон. Белая Америка замерла в недоумении, а её еврейская часть ликовала, называя случившееся: «Это наш ответ Гитлеру».

Как же так получилось, что Америка со своим нескрываемым антисемитизмом выбрала еврейку самой красивой женщиной страны?

16 июля 1924 г. в семье эмигрантов из России Луиса и Беллы Мейерсон родилась вторая дочка, которой дали имя Бася. Жили небогато: отец работал маляром, а мать занималась домашним хозяйством и воспитанием трёх дочерей. Чтобы как-то уложиться в скромный бюджет, семья экономила каждый доллар. Тем не менее, родители надеялись дать своим детям достойное образование, понимая, что только это поможет дочкам выбраться из нищеты.

К сожалению, денег на учёбу всех детей не было. Обычно в таких случаях многодетные семьи посылали на обучение кого-нибудь одного, а остальные работали, вкладывая средства в обучение счастливица. В семье Мейерсонов выбор пал на Басю как самую талантливую из всех. Девочка неплохо освоила игру на фортепиано и флейте, а также умела петь, поэтому её отправили в элитную школу музыки и искусств, открытую при помощи мэра Нью-Йорка в 1936 г.

Отучившись там, Бася решила продолжить музыкальное образование. Она подала документы

в Хантер-колледж, но тут возникло неожиданное препятствие. Для полноценного обучения музыке необходимо иметь собственный инструмент, причём высококачественный. Такой роскоши малоимущая семья себе позволить не могла. Требовавалось срочно найти довольно приличную сумму. Весьма оригинальным способом эту проблему попыталась решить старшая сестра Сильвия.

Втайне от всех она отправила фотографию Баси на конкурс красавиц Нью-Йорка. Она посчитала, что сестра, миловидная брюнетка, ростом под 180 см может получить шанс на участие в состязании самых красивых девушек и даже заработать какой-нибудь приз. Надежды Сильвии полностью оправдались. Басю утвердили в качестве участницы, и что самое важное, она стала первой красавицей Нью-Йорка. Теперь девушку ожидала следующая высота – конкурс «Мисс Америка».

Летом 1945 Бася Мейерсон, которую на американский манер стали именовать Бесс, приехала в Атлантик-Сити, где в первых числах сентября должен был проходить конкурс. Победительницу ожидал весьма внушительный приз – 5000 долларов. Состязания начались 5-го сентября. Для девушек настали трудные дни. Различные конкурсы менялись как в калейдоскопе. Не прошедшие отбор претендентки, едва сдерживая слезы, покидали подиум, а счастливицы всё ближе и ближе подходили к финалу. Мейерсон всё время держалась в группе лидеров.

Неожиданно к девушке подошёл один из высших чинов конкурса с довольно оригинальным предложением. В разговоре тет-а-тет он посоветовал Басе, уже одной ногой стоявшей в группе победитель, сменить своё еврейское имя на американизированный вариант Бет Мерседит. По словам этого человека, такая замена сделает получение ею заветного приза гораздо более реальным. Девушке самостоятельно пришлось выбирать: остаться еврейкой до конца, или же, пусть хоть и чисто формально, но предать свою нацию. Бася не отказалась от своей национальности, оставшись Мейерсон.

Этим же вечером начался финал конкурса. Вся еврейская Америка, следившая за состязаниями

красоток, затаила дыхание, когда жюри огласило победительницу. Ликованию евреев не было предела, когда первой красавицей США была названа их соплеменница Бесс Мейерсон. Радость их можно было объяснить: Бася стала первой еврейкой, победившей в столь престижном конкурсе красоты. Как показало время, она оказалась и единственной до настоящего времени.

Согласно положениям конкурса, его победительница получала не только внушительный денежный приз. Она ещё должна была год отработать на многих благотворительных мероприятиях, проводившихся по всей стране. В принципе, выпускница «Хантера» легко могла справиться с подобными задачами, но к этому оказалась не готова сама Америка. Представители белой расы, выходящие из Европы, не могли поверить, что самой красивой девушкой Америки названа еврейка. Ведь к евреям ещё несколько лет назад они относились с изрядной долей предубеждения, ставя иудеев не рядом с собой, а на одну линию с афро- и латиноамериканцами.

Подтверждением тому были несколько случаев, произошедших в разных частях страны. В городе Вилмингтоне, штат Делавэр Бесс должна была участвовать в вечере продажи военных облигаций, она услышала оскорбительный для себя разговор двух женщин. Те раздумывали, как не допустить Мисс Америку к мероприятию, обосновывая своё желание тем, что в местном клубе евреев никогда не было. Девушка немедленно уехала из этого города.

Не захотели принимать у себя еврейскую девушку и несколько военных госпиталей, а три спонсора конкурса «Мисс Америка», не объясняя причин, отказали ей в работе по рекламе их продукции, хотя как раз это являлось главным фактором при спонсировании ими конкурса красоты. Эти случаи убедили Бесс, что антисемитизм существует и в Америке, просто об этом предпочитают не говорить вслух. И тогда она обратилась в Антидиффамационную Лигу с предложением о сотрудничестве. Теперь, вместо рекламы товаров Бесс начала выступать против антисемитизма и расизма. Примечательно, что эту деятельность Мейер-

сон не прекратила и после того, как закончился её годовой контракт с организаторами конкурса.

Со временем отношение к евреям в США начало меняться в лучшую сторону. К ним постепенно перестали относиться с прежним предубеждением, и Бесс смогла начать делать карьеру. Она стала работать на телевидении то в качестве актрисы, то ведущей популярных передач. Однажды её пригласили вести конкурс «Мисс Америка». Кроме этого, она не забывала о политике, а также занималась защитой прав потребителей.

В 1969 г. Мейерсон начала карьеру политика. Журналисты называли комиссара Департамента по делам потребителей «яркой защитницей». Именно «Мисс Америка» предложила единое ценообразование для американских супермаркетов. Благодаря её инициативе на продукты питания появились сроки годности. Бесс Мейерсон работала в ряде политических комиссий при Президенте.

Шло время, и на арене начали появляться более молодые ведущие. Это вынудило Мейерсон несколько пересмотреть аспекты своей деятельности. Если раньше основной упор она делала на вопросах социальной защиты людей, то потом переключилась на защиту Израиля и собственно евреев. На протяжении нескольких десятилетий бывшая первая красавица Америки продолжала сотрудничество с Антидиффамационной Лигой, ставя работу в ней приоритетом для себя. На втором месте был Израиль, после чего шла продажа израильских облигаций.

Будучи в преклонных годах, а прожила она 90 лет, женщина сумела сохранить стройность тела, природную красоту и ясный ум. На все вопросы о том, чем она занимается свою жизнь, Мейерсон отвечала: «Еврейством. Просто раньше большую часть времени приходилось тратить на карьеру и участие в различных коммерческих мероприятиях, чтобы заработать себе на жизнь. С возрастом всё это ушло на второй план, а еврейство вышло вперёд, занимая собой всё время».

Бесс Мейерсон ушла из жизни в 2014 году, оставшись единственной еврейкой, сумевшей завоевать титул «Мисс Америка».

Марина СЛИВИНА.

Бася Мейерсон – наш ответ Гитлеру

Чужая жизнь

Мальчик перепутал цифры и позвонил ей. Она ругалась с кассиршей в банке и рывкнула в трубку. Трубка молчала. Она спросила, кто ей звонит – номер был незнакомый. Тонкий голосочек попросил бабушку. Она хотела опять рывкнуться, что никакой бабушки здесь нет и вообще – внимательно набирай циферки, пацан! Но голосок был таким трогательным, что она скинула на себя и ответила, что это её телефон, она не бабушка, а очень даже тётя. И что мальчик просто ошибся номером. Но мальчик в трубку отчётливо произнёс её номер телефона.

Начали разбираться. Папа ему продиктовал. Это был новый бабушкин телефон. Старый у бабушки украли. В магазине. Или не в магазине. Ни бабушка, ни мальчик точно не знают где. Папа купил бабушке другой телефон, а номер продиктовал. Он правильно записал. Или, может, вдруг засомневался ребёнок, тётя и этот телефон у бабушки украли? Она рассмеялась. Нет, ничего она не Украла. Произошёл сбой, когда он записывал. Так бывает. Просто перепутались цифры.

Она уже вышла из банка, забыв о хамовитой кассирше. Думала, как позвонить бабушке? А папе можешь позвонить? Мальчик мог позвонить папе, и звонил. Но у папы был отключён телефон. Папа мог быть на совещании, или разрядилась батарея. Ну, так позвони маме, ребёнок! Он не знает, как звонить маме. Мама уехала. Давно. Он её не помнит. Он ей никогда не звонил. Он всегда звонит папе и бабушке.

А что за срочность? Может, подождёшь? Он ждёт уже давно. У него уже даже кровь остановилась. Но всё равно больно. Кровь?! Какая кровь?! Разрезал руку?!

Она быстро завела свою машину, на ходу пытаясь выяснить, где живёт ребёнок. Он помнил номер дома и квартиру, а улицу не мог вспомнить. Что ты видишь в окно? А на каком троллейбусе тебя возят, малыш? Папа возит на машине? А бабушка? Вспоминай номер маршрутки, пожалуйста! Она поехала на конечную маршрутки, плелась следом и вдруг поняла, что мальчик живёт в соседнем с ней доме.

Взлетела на седьмой этаж. Ребёнок открыл дверь сразу. Держал руку, замотанную большим полотенцем. Она присела на корточки, стала разматывать, охнула. Разрез через всю ручку от плеча и до локтя. Кровь свернулась, но полотенце алое. У мальчика дрожали губы, и лицо было белым.

Она схватила его в охапку. Потом вытащила блокнот, оторвала лист и написала свой номер телефона и то, что мальчик в больнице, поранил руку.

Она повезла его в свою больницу. Подумала, что как хорошо, что она врач. А то бы сейчас металась и не знала, что делать, кому звонить.

Наложили швы. Всё сделали быстро и хорошо. Ребёнок уснул в палате, она держала руку на его лбу, потом стала гладить волосики, переживая незнакомые до сих пор эмоции.

Завибрировал телефон. Она остановила мужской рык и всё толково и быстро объяснила.

Папа мальчика через полчаса вошёл в палату, где спал ребёнок, а она продолжала гладить его белые кудри.

Говорить, в общем-то, было не о чем. Они и не говорили. Сидели молча. Она в несколько предложений ещё в телефонный разговор успела втиснуть всё, что происходило на протяжении последних двух часов. Повторять не имело смысла.

Потом ребёнок проснулся. Увидел папу – и засветились глазки. Ей улыбнулся сдержанно. Она засобиравшись уходила. Мальчик взял её за руку. Она села на краешек кровати. Осталась.

Было неудобно среди их словечек и шуток. Большой и маленький мужчина. Они говорили на непонятном ей языке. Слова складывались в предложения, но язык всё равно был ей неведом.

Потом она отпустила своё напряжение. Расслабила мышцы. Откинулась на спинку кровати. Поймала себя на мысли, что любит себя ими. В их отношениях была гармония, присуща только любящим людям. Вне зависимости от возраста и степени родства.

Мальчика выписали на следующий день. Бабушка ночевала с ребёнком. Примчалась в больницу. Заплаканная, растерянная. Долго тискала ребёнка. Гладила по голове, просила прощения за то, что оставила одного. Мальчик зарывался в неё, обнимал обеими ручками. Даже как-то неловко было смотреть на это абсолютное счастье.

Мужчина позвонил. Она ждала звонка. И знала, что он позвонит. Взрослые и вежливые люди всегда звонят. Чтобы поблагодарить. Или выразить сочувствие. Или куда-то пригласить. Или просто поговорить.

Он поблагодарил. Они поговорили. Он куда-то пригласил. Да и не должен был, конечно. Но она почему-то ждала. Даже придумала, как изобразит занятость. Она же врач, у неё больные, дом, дел невпроворот. Но она, конечно, найдёт немного времени, чтобы выпить кофе. Вы любите кофе? Она любит очень! А какой сорт? А какая обжарка? А в турочке или из кофейного аппарата? А сыр к кофе любите? А с молоком или без? А сахар? Ей нравится пить кофе с тростниковым сахаром. И чтобы горчило только немного.

Блиц-опрос про кофе моментально пронёсся в голове. После того, как она услышала гудки отбоя в трубке мобильного телефона.

Встряхнула головой. В буквальном смысле прогоняя от себя все мысли о мужчине. Он ей понравился. Она даже все эти дни примеряла на себя их жизнь. Хотелось вписаться. Совпасть. Разговаривать на их птичьим языке. Печь блинчики. Кормить мальчика и его папу. Она бы смогла.

Жили рядом. Столкнулись, естественно. Он был не один. С кра-

сивой женщиной. Держал её за руку. Смеялись и разговаривали. Конечно же, на своём птичьим языке. Конечно же, вокруг была атмосфера распекавшегося счастья.

Она почти прошла мимо. Он скользнул взглядом. Потом остановился. Потом позвал. Потом опять благодарил и знакомил с красивой женщиной. Говорить было не о чем. Сколько можно об одном и том же?

Она улыбалась и кивала головой. На душе стало легко и определённо. Только руки спрятали в карманы пальто, чтобы скрыть нервное дрожание.

В чужую жизнь нельзя вписаться, когда хочешь. В чужую жизнь вообще нельзя вписаться. Она об этом чуть было не забыла.

Зоя КАЗАНЖИ.

Концерт для бабушки

Маленький Гриша любил уроки танцев. А на уроках любили его, ведь мальчики на таких уроках большая редкость. Но Гришина бабушка, обожавшая смотреть по старенькому телевизору балет и народные танцы, записала маленького Гришу в еврейскую самодеятельность и музыкальную школу по классу скрипки одновременно. Гриша не знал разницы между еврейской самодеятельностью и любой другой, но ему нравилось то как звучала музыка, как звучал странный язык, немного похожий на немецкий и какие выходили мелодичные песни. Он был советским ребёнком, и кроме бабушки ничего еврейского уже в доме не было. Шаббат она соблюдала странно. Ничего не готовила целый день и ничего не ела. На это не обращали внимания ни вечно занятые Гришины родители, ни сам внук.

Занятия в кружке еврейской самодеятельности проходили во Дворце профсоюзов, что располагался на высокой горе в центре города и совсем недалеко от Гришкиной школы. И два раза в неделю Гриша, весело размахивая портфелем, нёсся вверх после уроков по лестницам с проспекта прямо в этот самый дворец. Однажды был назначен концерт. Или концерт-спектакль, если совсем быть точным. Естественно, что были приглашены все близкие родственники детей, и в назначенный день, изрядно переполовавшись Гриша, вместе с другими малолетними участниками спектакля дежурил около входа, посматривая на лестнице, откуда должна была появиться бабушка Бася и даже обещали успеть с работы родители. Встретив родителей, он удивлённо спросил: „А где же бабушка?“

Родители переглянулись: „Она с той стороны поднимается, вечно у неё всякие причуды“.

Прошёл спектакль, зрители были в восторге. Это был тот чудесный жанр, когда артисты пели, говорили, не понимая, на незнакомом им языке, а зрители вот как раз наоборот слышали родную речь, которую не слышали давно. Были и влажные глаза, и аплодисменты и цветы...

Всё это вдруг вспомнил Григорий Данкнер. Или Грегори Данкнер, как было принято писать на афишах в последние несколько десятилетий лучших концертных залов мира. Он давно не жил там, его увезли маленьким. Сразу, как умерла его бабушка Бася. Сначала Израиль, потом Европа, потом Америка. Сначала оркестр, а потом сольная карьера. И вот гастроли, через столько лет в родном городе его родителей и бабушки. Уже в статусе мировой знаменитости. Он уже побывал у неё на могиле. А теперь Гриша стоял у подножия Дворца профсоюзов, и уже было собирался взбежать, как в детстве, как вдруг...

Он посмотрел вниз. На ступеньки. И обомлел. Он не верил своим глазам. На второй ступеньке была написана его фамилия. Данкнер. На иврите. Дата рождения... Дата смерти. И ещё фамилия и дата и ещё. Он опустил и почти на четвереньках пополз вверх. Это были надгробия с еврейского кладбища. Это были те, кому не нашлось места в чужой земле. Вот почему бабушка Бася никогда не поднималась по этой лестнице. Вот почему...

Его прошиб холодный пот. Он медленно спустился вниз, так и не дойдя до верха, до которого в детстве долетал играючи.

Вернулся в отель. Медленно налил стакан воды. Выпил. Пора разыгрываться, автоматически подумал он. Через четыре часа на сцену. Открыл футляр скрипки. Потом резко закрыл его и набрал номер.

– Хьюго? – (Так звали концертного директора). – Принесите мои извинения. Играть я сегодня не смогу из-за плохого самочувствия. Решите всё по неустойке в контракте и закажите мне билет домой. Утром я улетаю, – и не слушая возражений директора выключил телефон.

Этим вечером на еврейском кладбище города Вильнюс был необычный концерт. Не было зрителей. Был лишь великий еврейский скрипач Грегори Данкнер, который играл для своей еврейской бабушки Баси Данкнер. Он играл так, как никогда не играл ни до, ни после. Это был самый замечательный в его жизни концерт.

Он играл и думал о ней. Как же она его любила и берегла, не рассказав, что он ходил и бегал по надгробью собственного дедушки. Он играл и понимал, что больше никогда не вернётся в город, где используют надгробья мёртвых вместо ступенек для живых.

Инна и Лев КЛОЦ.

Компотик

– Моня, иди кушать, Моня! Смотри, какой супчик! Это же не ку-

рочка, это павлин! Этот супчик надо кушать с закрытыми глазами и

Еврейская майса

представлять, что ты у боженьки на облачке! Моня, кушай супчик, кушай!

Цейтл Амшелевна звала меня Монею. Странная женщина со странным именем. Мне было семь лет, я очень старался выговаривать её имя правильно. Цейтл, Цейтл. Бабушка говорила, что это означает „принцесса“.

Я не верил. Ну, какая же Цейтл Амшелевна принцесса? Маленькая, слегка сгорбленная, с морщинистым, как печёное яблоко, лицом. И руки. Длинные пальцы с узловатыми суставами. Причём на левой руке не хватало указательного пальца. Это было жутковато.

Цейтл Амшелевна, бабушкина соседка по коммуналке, вызывала у меня двоякое чувство. С одной стороны, она была жутковата, а с другой стороны любила меня не меньше моей бабушки.

Когда я приходил, её тонкогубый рот расплывался в улыбке. И она звала меня Монею. Много раз я говорил ей, тщательно выговаривая её имя: – Цейтл Ам-ше-лев-на, я не Моня!

Но она, словно не слышала: – Моня, котлетка! Возьми котлетку! Я тебе говорю, Моня, такую котлетку не кушал даже английский лорд! А уж кушал он такое, что не дай бог! Кушай котлетку, Моня, кушай!

– Я не Моня! – повторял я. Но было бесполезно. Однажды, мне было уже лет десять, и имя Цейтл Амшелевны я научился говорить бегло и уверенно, я после школы заглянул к бабушке. Двери в квартире запирались редко, времена были такие. Поэтому, я вошёл в квартиру и сразу услышал из кухни:

– Моня! Я тебя видела в окно, чтоб ты мне был здоров! Рахиль скоро придёт, она пошла в молочную, иди я тебе пока компотика налью!

Мою бабушку действительно звали Рахиль. Но все её звали на русский манер Раиса. Все, кроме Цейтл Амшелевны. А „молочной“ она называла магазин „Молоко“ в квартале от дома.

Я зашёл, сел за стол. Цейтл Амшелевна налила кружку компота, придвинула ко мне:

– Ой, Моня, это не компот, это нектар! Это же сдохнуть можно, что за компот! Чтоб ты мне был здоров, Моня, пей компотик, тыфу на тебя!

Я сделал глоток. Компот был вкусным. Я уже давно не говорил ей, что я не Моня, привык. Но в тот раз почему-то спросил:

– Цейтл Амшелевна, а почему вы зовёте меня Монею? Я знаю, что вы мне никогда не отвечаете, но просто интересно.

Цейтл Амшелевна неожиданно посмотрела на меня. Знаете, взгляд – это очень мощная штука. По нему можно многое узнать, иногда даже слов не надо. Она посмотрела на меня именно так. Насквозь, как рентген. Цейтл Амшелевна выключила конфорку на плите, положила тряпку на стол и села на табурет рядом:

– Ну, что ты пристал ко мне, Моня? Ты что, думаешь, что я совсем сумасшедшая старуха и не знаю, что ты не Моня? А, Моня?

Я молчал. – Я знаю, что ты не Моня, деточка. Ты пей, пей компотик. Был у меня сынок Моня. Похож на тебя. Немного.

Сынок? Я не мог такого представить! Эта сутулая старуха с испещрённым глубокими морщинами лицом была чей-то мамой?! Её даже с моей бабушкой не сравнить! Хотя моей бабушке много лет, но она другая! Она вполне могла быть мамой. Собственно, она и была мамой моей мамы... Но Цейтл Амшелевна? Вот так сюрприз!

– У вас был сын? – недоверчиво переспросил я. – Был сын, Моня. Его звали Моня. А потом его не стало.

– А что с ним случилось? – Ай, я тебя умоляю, не делай мне голову на девятом месяце! Что могло стать с ребёнком, когда кругом эвакуация и холера? Умер мой Моня. А другого нет. Но есть ты, деточка, тебе что, жалко, чтобы старуха Цейтл иногда звала тебя Монею?

– Нет, не жалко. Просто... – Ай, перестань. Когда я зову тебя Монею, мне кажется, что ты это он. И мне хорошо. Вкусный компотик?

– Вкусный... – Ну, таки хорошо! Тебе хорошо пить компотик, а мне хорошо, что ты немножечко Моня. И никому от этого не плохо.

– Цейтл Амшелевна, знаете... Я больше не буду спрашивать вас почему вы зовёте меня Монею.

– Так что спрашивать, когда я тебе и так сказала! – А он правда был похож на меня? У вас есть фотографии?

– Нет у меня никакой фотографии, Моня. Фотографии нужны, чтобы плакать. Смотреть на них и плакать. А я не плачу. Я никогда не плачу, Моня. Я живу. Ты пей компотик, пей Моня. Может из-за этого компота господь и хочет, чтобы я жила. А кто я такая, чтобы спорить с богом?..

Александр ГУТИН.

Проект „ТУРБОТА ПОКОЛИНЬ – ХЭСЭД ДОРОТ“ был создан и работает при поддержке „Джойнт“ (JDC) – ведущей еврейской международной гуманитарной организацией, которая более тридцати лет помогает нуждающимся евреям и развивает еврейскую жизнь в странах бывшего Советского Союза.

Подробную информацию о JDC вы найдёте на сайте: www.JDC.org



Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.
Редактор М. Тайбишлак. Компьютерная верстка – М. Тайбишлак, П. Тайбишлак.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11.
e-mail: ineinem20@gmail.com <http://hesed-dorot.ch.uk>
Отпечатано в типографии г. Чернобай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация Большой МетроВест Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.